

## **БУДУЩЕЕ ТЮРКСКОГО МИРА В КОНТЕКСТЕ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМА**

Ислам – одна из мировых религий, сыгравшая значительную роль в истории цивилизации и продолжающая оказывать существенное влияние на различные сферы жизни многих стран мира. Отсюда возникает естественное стремление к осмыслению культуры и идейных традиций мусульманских народов Востока.

В настоящее время многие страны мира, значительная доля населения которых исповедует

ислам, оказались в достаточно сложной, если не критической ситуации. Ее содержание определяется необходимостью гармоничного взаимодействия традиционного мирознания мусульманской общины и все более глобализирующегося общества с его во многом антитрадиционалистскими установками.

К этим странам можно отнести и постсоветские государства Центральной Азии, все более

превращающиеся в арену столкновения разнонаправленных идей. Доминирующей конфликтной линией в противостоянии нового и старого в современной Центральной Азии, как и в ряде стран и регионов мира, является «спор» между прозападным либерализмом и авторитарным традиционализмом. Очевидно, что это не может не оказывать влияния на различные стороны жизни государств региона, включая все более обостряющуюся проблему международного терроризма.

Особую роль в развитии этого глобального политического феномена на рубеже XX–XXI вв. играет перманентное нарастание противоречий между исламским мировоззрением и современностью. Действия мусульман-фундаменталистов видны в европейском Косово, индийском Кашмире, на Ближнем Востоке и Филиппинах. Не вызывает сомнений, что корни этих противоречий лежат в несоответствии современных политико-правовых норм установлениям ислама, остающимся неизменными уже около 1400 лет. Возможно, со временем ислам переживет идейную реформацию, как это произошло с христианством, но сегодня экстремизм, вырастающий на его почве, действительно способен превратиться в одну из наиболее значимых глобальных проблем для человечества.

Целью данной работы являются определение степени влияния радикального ислама на политические и культурные процессы в тюркских государствах, а также экстраполяция существующих тенденций в будущее и попытка предвидеть возможные векторы развития, что является вполне приемлемым методом расширения наших границ и понимания будущего мира.

В связи с этим вызывает большой интерес, какая из разновидностей ислама, существующих в современном мире, может утвердиться в Центральной Азии. Здесь необходимо отметить, что история показала достаточно успешный опыт использования позитивного потенциала модернизованного ислама в ряде стран мира. Одним из примеров такого рода является Турция. Этим в значительной степени объясняется значительный интерес, проявившийся в первые годы реформирования у части руководителей постсоветской Центральной Азии (Н. Назарбаев, А. Акаев) к так называемой «турецкой модели» развития. Примечательна в этой связи одна из ее оценок, с которой трудно не согласиться: турецкая модер-

низация – это модель, ориентированная на Запад, в которой удалось творчески использовать достижения индустриальных мировых лидеров на национальной основе [1, с. 34, 109].

Существует и другая гипотеза, согласно которой наибольшие шансы в регионе имеет иранский ислам как наиболее динамичный и агрессивный. Но здесь существуют объективные препятствия на пути «иранской» модели ислама, главным образом из-за его шиитской ориентации, поскольку тюркские народы Центральной Азии традиционно исповедуют ислам суннитского толка и оседание здесь шиитских идей видится весьма нереалистичным.

Одним словом, как говорит профессор Каирского университета Хасан Ханафи: «Ислам идет. Вопрос в том, какой это будет ислам – либеральный или фанатичный?» [2, с. 4]. Для того чтобы дать ответ на этот вопрос? необходимо проследить историю взаимодействия тюркских народов Центральной Азии с исламом.

Казахстан – крупнейшая страна Центральной Азии, сегодня оказался в эпицентре внимания экспертов. Даже непродолжительное знакомство с Казахстаном убеждает в том, что существующая ситуация с исламом, так же, как и с религией в целом, здесь имеет свои особенности и специфику. И они таковы, что объективно исключают возможность не только радикальной исламизации, но и укоренения религиозного фундаментализма любого толка. Во-первых, история проникновения и распространения ислама в Казахстане такова, что «ислам по-казахски» представлял собой смесь ислама и местных доисламских, языческих верований. На территорию Средней Азии и Казахстана ислам начал проникать во второй половине VIII века, в период правления первого омейядского халифа Муавии Ибн-Суфьяна. Процесс установления ислама в Казахстане был длительным и сложным, занявшим несколько веков. И хотя мусульманство стало, по сути дела, основной религией казахов, оно не носит здесь резко выраженного ортодоксального характера. Религиозные традиции тесно переплетаются с национально-бытовыми, до сих пор сохраняются весьма живучие черты прежних верований: шаманизма и тенгрианства, своеобразных течений пантеизма, для которых было характерно поклонение Богу-Солнцу и Богу-Небу. Кроме того, по определенным историческим при-

чинам в Казахстане преобладает умеренный ислам суннитского толка (шииты в республике представлены в основном азербайджанцами, чеченцами и ингушами). Для суннизма ханифитского масхаба, ведущего течения ислама в Казахстане, характерны терпимость к инакомыслящим, использование местного обычного права, применение в правовых вопросах свободного индивидуального суждения и суждения по аналогии. Такое отношение исключает всякий догматизм. Казахам всегда были чужды политизация ислама, противостояние светской власти и религиозной элиты, нетерпимость к иноверцам, религиозный фанатизм или ценности теократического государства. За последнее десятилетие эти исторические предпосылки подкрепляются в республике взвешенной государственной политикой в области межконфессиональных отношений, которая формирует устойчивый иммунитет общественного сознания к радикализму. Если вернуться к истории возрождения ислама в Казахстане, то началом ее можно считать 1990 год, когда было образовано Духовное управление мусульман. До этого общины подчинялись Духовному управлению мусульман Средней Азии и Казахстана. С этого времени началось возвращение верующим мечетей, их восстановление и строительство новых, открытие исламских духовных школ. В частности, в Алматы в 1999 году открыта новая Центральная мечеть вместимостью свыше 3 тысяч человек – одна из крупнейших в СНГ. На сегодня количество мусульманских религиозных объединений в стране составляет 1313, действуют более 5 тысяч мечетей. По данным Духовного управления мусульман, в республике насчитывается около 11 млн мусульман, представляющих 24 национальности. Основные направления деятельности мусульманских религиозных организаций страны: духовное воспитание, благотворительность, просветительство. Для предотвращения проявлений экстремизма местные органы власти осуществляют постоянный мониторинг всех исламских религиозных объединений. Особое внимание уделяется религиозным объединениям со смешанным национальным составом или целиком состоящим из национальных меньшинств. Повышенное внимание уделяется анализу работы религиозных объединений с молодежью и деятельности духовных учебных заведений. Так, за несоответствие тре-

бованиям законодательства были закрыты медресе в Мерке Джамбылской области, не выданы лицензии медресе Шымкента и Сарыагаша. И, пожалуй, одна из важнейших причин того, что распространение радикального ислама Казахстану серьезно не угрожает, – отсутствие для него широкой социальной базы, устойчивое социально-экономическое положение страны. Ведь не случайно исламский радикализм называют «идеологией отчаяния» [3, с. 1–2].

Но так или иначе влияние исламского фактора на политику тюркских государств неизбежно. Вместе с тем нельзя недооценивать опасность воздействия на центральноазиатские общества идей радикального ислама, чьи лозунги просты и доступны, апеллируют к естественному для человека чувству справедливости [4, с. 154].

В Узбекистане это влияние имеет особое значение. В течение многих веков исламские традиции получили здесь широкое распространение как в институтах власти, так и в социальной психологии. И в этом смысле Узбекистан кардинально отличается от Казахстана, а наличие данного фактора показывает, насколько сильны позиции ислама в этой центральноазиатской республике. За годы независимости руководство Узбекистана оказалось перед исламским вопросом, суть которого состоит в необходимости бесконфликтного соединения императивов современного политического и экономического развития с цивилизационными традициями, уходящими в далекое прошлое. Иными словами, перспективы развития жестко обусловлены историческими параметрами: будущее заложено в прошлом. Ислам проник и утвердился в Узбекистане в VIII–IX вв. На благодатной социальной почве в лице оседлых этносов (узбеков и таджиков) ислам укрепился настолько, что стал господствующей религией, а крупные города Бухара, Самарканд, Хива превратились в духовные центры всей исламской цивилизации. Семь десятилетий официального советского атеизма религия продолжала существовать в подполье, а также в нескольких мечетях, находившихся под контролем властей [5, с. 1–2]. На волне демократизации в конце 80-х «подпольный» ислам приступает к активной общественной деятельности: на территории республики без регистрации действуют сотни мечетей, тысячи самозванных (неформальных) мулл, ишанов, шейхов. Даже партийное руководство

тогда высоко оценивало их пропагандистские возможности, солидное богословское образование. Политизация узбекского ислама ярко проявилась и в деятельности незарегистрированных исламских организаций. Особенно активны данные организации в ряде областей Ферганской долины. Здесь ислам выполняет функции не просто религии, а представляет собой свод жестко соблюдаемых норм поведения. Именно здесь, а не в исламских центрах недавнего прошлого — Бухаре и Самарканде любое проявление недовольства получает форму религиозного движения.

Главным элементом исламского влияния в долине является Исламская партия возрождения (ИПВ), созданная в январе 1991 года. Ее официальная регистрация исключена в силу закона «О политических партиях», которым запрещается деятельность партий, устроенных по религиозному принципу. Многие, включая руководство республики, называют ее фундаменталистской или ваххабитской. Традиционная община здесь выдвигает из своей среды собственных идеологов-неформалов. Ими становятся низшие слои местного духовенства с собственным мировоззрением и способом излагать свои требования. Это стихийный ислам, в некоторых элементах напоминающий учение Ибн Ваххаба. Лидер ИПВ отмечает: «Все знают, что мечети в истории ислама всегда играли важную роль. Они же являлись центром исламской политики. Мечеть стала средоточием знаний. Она выполняла роль и медресе, и молельни, решала многие вопросы жизни мусульманской общины, была центром политической жизни. И поэтому лишать ее статуса политической организации — ошибка. Пришла пора вернуть мечетям их былое значение... Ислам — это религия. Ислам — это государство. Он существует не для того только, чтобы призывать людей к молитве. Ислам должен активно вмешиваться во все сферы жизни, политики, экономики и т.д.» [13, с. 3].

Именно с такой позиции, на мой взгляд, и следует рассматривать современные позиции ислама в Узбекистане. Ислам в Узбекистане имеет три формы. Во-первых, это традиционный, умеренный ислам, исповедуемый подавляющим большинством населения, которое ощущает необходимость сохранять традиции, хотя бы внешне. Во-вторых, это ислам, поддерживаемый правительством с клерикалами, лояльными прави-

тельству и возносящими молитвы за власть. И наконец, радикальные группы, вроде Исламского движения Узбекистана и «Хизб-ут-Тахрир», не пользующиеся поддержкой большинства [6, с. 2]. Тем не менее именно территория Узбекистана долгое время была ареной деятельности единственной открыто действовавшей в Центральной Азии военизированной группировки Исламское движение Узбекистана. В 1999–2000 годах эта группировка совершала вооруженные вылазки с баз, располагавшихся в Афганистане и Таджикистане, пыталась обеспечить себе плацдарм в Ферганской долине. Именно эта группировка инсценировала Баткенские события 1999 года, в ходе которых вооруженные отряды этой радикальной организации напали на Кыргызстан. Но их афганские лагеря были уничтожены в ходе американской войны с талибами, и с тех пор ИДУ практически ничем не проявляет себя. В последнее время все внимание переключилось на группировку «Хизб-ут-Тахрир» («Партия освобождения»). «Хизб-ут-Тахрир» — политическая партия, идеологией которой является ислам. Это означает, что вся деятельность партии основывается исключительно на исламе. Целью «Хизб-ут-Тахрир» является возрождение Мусульманской Уммы таким образом, чтобы возобновить исламский образ жизни посредством восстановления Халифата. Именно так выглядят основные положения этой партии. «Хизб-ут-Тахрир» запрещен во всех центральноазиатских республиках. Больше всего группировка заметна в наиболее экономически слабо развитом из всех тюркских стран региона Кыргызстане. По официальным данным, говорит директор группы оценки рисков из Алматы Досым Сатпаев, в Кыргызстане сегодня около 2 тысяч членов этой группировки. Так какую же почву для зерен радикального ислама представляет Кыргызстан? Ислам тесно связан с традициями киргизской национальной культуры, имеет свою давнюю историю и особенности в жизни киргизского народа. Исламизация киргизов Центральной Азии прошла длительный исторический путь. Тщательное исследование киргизской культуры свидетельствует о тесном переплетении национальных традиций и традиций ислама. Обращение киргизов к исламу во многом является заслугой тех святых мусульманских праведников (суфиев), которые сумели донести истинный свет Ислама душам людей. Такие

источники, как «Зиа ал-Кутаб» и «Рафик ат-Талибин», говорят о том, что принятие кыргызами ислама произошло под влиянием чудес и исцелений, творимых суфиями. Их свойство адаптироваться к местным верованиям или, проще говоря, их истинная любовь к людям и способность впитывать национальные традиции постепенно приносили результаты. Переломным оказался X век, ставший веком торжества ислама на Тянь-Шане. Ислам здесь стал государственной религией. У кочевых народов идеи ислама легли в почву, обусловленную особым образом жизни, национальной культурой и менталитетом [12, с. 2–3] Существуют мнения о том, что ислам, в частности суфизм, сам испытывал влияние шаманизма и многое от него воспринял. Например, Дж. С. Тримингэм [7] пишет, что суфийские общины стремились вобрать в себя и синтезировать народные верования, поскольку это был единственный способ сохранить идеалы, лежащие в основе религиозных движений. В целом, можно сказать, что в латентном виде в исламизированной киргизской нравственной культуре сохранились национальные доисламские традиции.

Многие аналитики справедливо отмечают, что источником угрозы безопасности Центральной Азии является растущая исламизация по ваххабитскому образцу. Немецкий исследователь проблем Центральной Азии У. Хальбах в своей статье «Ваххабиты на Кавказе и в Центральной Азии» отмечает, что исламские группировки радикального толка усилились в Таджикистане и Ферганской долине Узбекистана. Но особый размах их деятельность приняла на юге Киргизии [8]. Это так называемый оппозиционный ислам ваххабитского толка, противостоящий официальной власти и оперирующий радикальными лозунгами. Идеи возрождения халифата становятся популярными среди социально уязвимой части мусульман, а «Хизб-ут-Тахрир» остается пока единственной религиозной партией, открыто выражающей свои политические претензии. Хотя «Хизб-ут-Тахрир» постоянно заявляет, что ее принципиальной позицией является отказ от насильственных форм борьбы, однако в распространяемых ею листовках и книгах слово «джихад» присутствует. В программе партии говорится, что с помощью джихада «Хизб-ут-Тахрир» желает превратить наши страны из «Дар-аль-Куфр»

(страны безверия) в «Дар-аль-Ислам» (страну ислама). Приведение мира к исламу может включать в себя и вооруженную борьбу с неверными, если они отказываются перейти в мусульманство или платить в знак покорности налог (*джизья*). Как отмечает А. Игнатенко, исламские радикалы считают свою трактовку ислама единственно правильной, и в ней присутствуют два непререкаемых, системообразующих положения – о такфире и джихаде. Такфир – это обвинение в неверии (*куфр*) всех тех, кто не согласен с ними. При этом важно подчеркнуть, что объектом такфира не являются немусульмане, ведь они и так кяфиры – неверные. Целью такфира являются именно мусульмане. Другими словами, они провозглашают неверными всех мусульман, которые не следуют их специфической интерпретации ислама. А в этом случае мусульмане, которых «тахрировцы» обвиняют в неверии, приобретают статус вероотступников. В Коране сказано: «Не повинуйся... неверным...». Это понятно. Как упоминалось выше, «Хизб-ут-Тахрир» неверными провозгласила И. Каримова и других лидеров стран Центральной Азии, живущих в «стране безверия». По логике партии настоящий мусульманин не должен им повиноваться, хотя они и являются главами государств. Более того, против них нужно вести джихад: «Выступайте легкими и тяжелыми и боритесь своими имуществами и душами на пути Аллаха!», т. е. ведите джихад, не щадя того, чем владеете, – ни имущества, ни самой жизни. Следует отметить, что чем сильнее работает репрессивная машина государства, тем яростнее и упорнее действует «Хизб-ут-Тахрир». На репрессии она ответила «листовочной войной». Листовки призывали мусульман не бояться арестов, продолжать следовать пути Аллаха и «своим терпением» добиться того, чтобы «безбожные правители» в своей войне с мусульманами потерпели поражение. В целом на юге Кыргызстана складываются благоприятные условия для распространения идей «Хизб-ут-Тахрир». Безработица, обнищание масс и вторжение боевиков Исламского движения Узбекистана в Баткенскую область стали детонатором активности местных «тахрировцев». Когда в стране с «теневой» экономикой и низким уровнем жизни нет диалога между государством и религиозными радикалами, зато есть много мечетей, естественно, что любая религиозно-политическая

организация очень быстро обзаводится здесь сотнями адептов.

Совсем иначе выглядит ситуация с исламом в Туркменистане, и это прежде всего связано с той нетерпимой политикой по отношению к исламу, которую все эти годы проводит «отец Туркменов» Сапармурат Ниязов. Президент пытается узурпировать исламский символизм и институты, но такая политика может сослужить ему дурную службу. Недавно в Туркменистане был закрыт единственный на всю страну факультет исламского богословия, и это многими рассценивается как реакция руководства страны на усиление радикальных исламских течений на всем пространстве Центральной Азии. Религиозное образование и исламские учреждения в Туркменистане уже давно находятся под жестким контролем власти [14, с. 55]. Как в Узбекистане и Таджикистане, в Туркменистане исповедуют ислам суннитского толка. До XX века туркмены были кочевниками, поэтому традиции формального исламского образования здесь развиты слабо, а мечетей не так много. Люди в основном молятся дома, и эта традиция сохранилась даже со снятием в 1991 г. ограничений на вероисповедание, существовавших при советской власти. Туркмены никогда не отличались чрезмерным религиозным рвением. Основная масса населения исповедует популярную форму ислама, унаследованную из образа жизни их предков на протяжении многих столетий. Влияние других исламских течений в Туркменистане ограничено. Власти жестко контролируют деятельность шиитских учреждений, таких, как мечеть Али Реза в Ашгабате. Но в любом случае туркмены-сунниты не проявляют интереса к исламу иранского толка. Прихожане шиитских мечетей в основном азербайджанцы. Радикальные фундаменталистские группы, в частности «Хизб-ут-Тахрир», имеющая значительное «подпольное» присутствие в других государствах Центральной Азии, судя по всему, не смогли проникнуть в Туркменистан, а если и смогли, то никак себя не проявляют. Политика государства, в том числе самого Ниязова, в отношении религии носит двусмысленный характер. Основными религиями в Туркменистане являются ислам и русское православие. При этом власти пристально следят за деятельностью этих общин, а более

мелким религиозным общинам вроде протестантов вообще не дают работать, а их последователи периодически оказываются за решеткой. Как символ «национальной идеи» и туркменской государственности ислам присутствует повсюду. В Гок-тепе на месте эпохального сражения между туркменскими племенами и войсками российской империи сооружена огромная мечеть. Прошлой осенью еще более внушительная мечеть открылась в родном селении президента. Туркменбаши пытается сказать своему народу: «Ислам – это я», требуя, чтобы его труд «Рухнама» почитался как священная книга наравне с Кораном. «Рухнама» – свод размышлений, нравоучений президента, призванный стать «духовным путеводителем» для каждого туркмена. Чтение «Рухнамы» является обязательным для всех – от госчиновника до ребенка в детском саду. Но мусульмане не пожелали «канонизировать» труд президента и возмутились, когда от них потребовали наряду с Кораном выложить его на виду в каждой мечети. Как полагают эксперты Института по освещению мира и войны (IWPR), рост фундаменталистских настроений в Туркменистане вполне возможен, а Туркменбаши сделал большую ошибку, вообразив, что может «приручить» и использовать ислам в качестве политического орудия, игнорируя при этом религиозные чувства людей и социальное недовольство населения. Ниязов упустил момент, когда безобидная популярная форма ислама, традиционно существовавшая у туркмен, могла заполнить идеологический вакуум, оставшийся после развала советской системы. В таких условиях вполне вероятно, что на смену светскому исламу, насаждаемому государством, может прийти непримиримый и воинствующий ислам. К примеру, такие тенденции существуют на Ближнем Востоке, где к власти рвутся радикальные исламисты, консолидировавшие вокруг себя общество. Максимально наглядно это можно проследить на примере стран, где исламисты уже у власти, – в Палестине и Иране. В Палестине на недавних выборах победила группировка «Хамас». В Иране Махмуд Ахмадинежад, популист исламистского толка, у власти с лета 2005 года [9, с. 22–23].

Одной из самых напряженных точек тюркского мира является Восточный Туркестан (современный Синьцзян-Уйгурский автономный рай-

он КНР). На протяжении вот уже трех веков он являет собой сцену неповиновения мусульман-уйгуров китайской оккупации. Только за последние двести лет эта страна пережила более чем четырехсот крупных и малых восстаний, носивших откровенно религиозный характер [15, с. 1]. Здесь ислам выступал одной из главных сил, способной объединить народ на борьбу с иноверцами-захватчиками, одновременно являясь и формой национальной идентичности. Историческая память формирует менталитет народа, а также решимость сопротивляться колонизации страны. В своих верованиях уйгуры прошли через язычество и манихейство, христианство и буддизм, и, наконец, в X веке ислам впервые становится государственной религией Караханидов. Восточное Караханидское государство взяло на себя священную миссию распространения ислама в Восточном Туркестане, насаждая его «огнем и мечом». Однако Караханидам пришлось вести тяжелую войну против Хотана и Турфанского княжества – оплотов буддизма Восточного Туркестана. Даже свою столицу – город Кашгар, «колыбель тюркского ислама», Караханидам не раз пришлось оставлять буддистам, т.е. сторонникам буддизма. Борьба за веру шла с переменным успехом несколько десятков лет. Жизнеописание Джафара Садыка – имама, возглавлявшего мусульманское войско, сохранило историю этой борьбы. Только когда против буддистов Хотана в среднеазиатских ханствах, Иране, Багдаде было собрано огромное количество фанатиков-мусульман (124, 5 тыс.), готовых умереть в священной войне, произошел перелом в пользу мусульманских войск [10, с. 223].

Уйгуры – тюркский народ, мусульмане-сунниты, придерживающиеся ханафитского мазхаба. Последователей этой школы называют «кадими», что происходит от арабского слова «кадим» – древний. Есть также немногочисленные шииты, в основном представленные таджиками. В Восточном Туркестане довольно много суфиев, среди которых можно выделить следующие основные группы: Накшбандийского, Кадирийского тариката, а также тариката Кубравийа [11, с. 1].

Многие эксперты называют уйгуров одними из самых ревностных мусульман, все выступления которых неизменно носят религиозную ок-

раску. Они считают, что, прежде всего, это связано с той политикой, которую проводит все это время Китай по отношению к исламу. Для Китая взаимоотношения мусульман с государством – вопрос не только религиозный: это крупная проблема межнациональных отношений. Можно утверждать, что исламская общность, инкорпорированная в политическую систему Китая, – фактор его нестабильности. Политика руководства КНР в отношении китайских мусульман-уйгуров неоднократно менялась по прагматическим соображениям. Многие годы она была жесткой, неоднократно проблема «решалась» с применением оружия. Панисламизм и пантюркизм, с одной стороны, и лозунг «безжалостного уничтожить ислам в Китае», с другой – характеризуют противостояние Пекина и уйгуров. Религиозная политика Пекина в Синьцзяне имеет четко выраженную национальную подоплеку. Пекин считает, что уйгурский ислам и сепаратизм – понятия тождественные, поэтому мусульмане в западных районах страны подвергаются гораздо большему давлению, чем в центральных, – заявил «НИИ» эксперт по правам верующих в бывших коммунистических странах, редактор Службы новостей международной правозащитной организации Fogum-18 Феликс Корли. «В Синьцзяне действуют строгие религиозные ограничения. Школьникам и госслужащим официально запрещено посещать мечети. Всякая религиозная деятельность, проводимая без надзора властей, в Китае запрещена. В апрельском докладе организации по соблюдению прав человека Human Rights Watch говорится, что под различными предлогами полиция Синьцзяна угнетает религиозную свободу местного населения». В ходе борьбы против ислама в Китае китайское правительство запретило строительство новых и закрыло много действовавших мечетей. В августе 2002 г. китайские власти распорядились разрушить 12 мечетей в районе Карикаш Хотанского округа, объясняя это тем, что «мечети негативно влияли на близлежащие школы и качество обучения». В январе этого года была разрушена мечеть Казан Булак в Учтурфане, причиной явилась «служба по поводу праздника Рамадан, проведенная накануне, как в арабских странах». Китайские власти закрыли все неправительственные религиозные школы, чтобы мусульмане не

могли получить независимое религиозное образование. Нельзя не отметить, что разжигает пламя религиозного сепаратизма и национальная политика Пекина. Руководство КНР поощряет массовое переселение этнических китайцев в Синьцзян. Естественно, это вызывает недовольство уйгуров, казахов и представителей других коренных этносов Синьцзяна. Отнюдь не умиротворяет их также политика ограничения рождаемости, ущемление религиозных прав мусульман. Ныне самая активная организация, объединяющая уйгурское движение, – Исламская партия Восточного Туркестана (ИДВТ). Внутри Китая Исламская партия Восточного Туркестана возродилась на волне реформ, проводимых Китаем, в конце 80-х, и ее целью было религиозное обновление и просвещение. Однако после известных событий на площади Тянь-ань-мынь ситуация изменилась – власти начали применять репрессивные меры. Тогда эта организация стала противостоять репрессиям: проводить манифестации протеста, кульминацией чего явились события 1989 года в г. Барын, переросшие в вооруженные столкновения. С этого момента пошла новая волна беженцев из числа этнических уйгур, многие из которых оказались в Центральной Азии. В общем, характеризуя ислам в Восточном Туркестане, нельзя не выделить его специфику. Из-за полной и долговременной изоляции этого региона ислам здесь приобрел свои отличительные черты. И прежде всего, это связано с тем, что он в меньшей мере, чем «советский», подвергся размыванию и модернизации. Можно сказать, что в Восточном Туркестане ислам пережил гораздо меньшие потрясения, чем в СССР. Ислам выступает источником уйгурской идентичности. Такая идеология гораздо более распространена в виде религиозного учения в данном регионе, нежели насаждаемый государством «обработанный» ислам в мечетях. Из-за своей антимодернистской, антизападной, антиколониальной позиции это учение отвергает китайскую форму образования из-за ее современной направленности. В этом свете китайская программа экономического развития порождает лишь сильную враждебность и отчужденность.

Таким образом, тюркский ислам Центральной Азии многолик и его нельзя рассматривать как однородное явление, подводя под общую

формулу. У каждого тюркского народа был свой особый путь к исламу и у каждого народа он имеет свои отличительные черты. Модернизированному и светскому исламу в Казахстане и Турции мы можем противопоставить традиционный и агрессивный ислам в Узбекистане, Кыргызстане и Восточном Туркестане. В этом свете, на мой взгляд, весьма преждевременно говорить о неизбежном распространении радикального ислама на все тюркские государства Центральной Азии. Ведь радикальный ислам – это, как правило, идеология бедноты и зачастую широкий размах он принимает именно там, где есть для этого экономические и политические предпосылки. Тюркские государства, как известно, находятся на разных уровнях развития и в таких условиях, на мой взгляд, каждое из государств выработает свою модель ислама, которая будет отвечать действительному положению вещей в каждом из государств. Именно на основе близости этих государств по своему развитию и внутренней обстановке и будут проходить все интеграционные процессы на почве ислама. В этом свете будущее региона мне видится в рамках системы «сближения и отчуждения». Сближение государств, подверженных политизации ислама как такового, и, наоборот, отчуждение государств, где ситуация с исламом «благополучна». Это отнюдь не означает политическую изоляцию государств друг от друга, здесь речь идет об обществах тех или иных стран, которые будут удаляться друг от друга в соответствии с разделением на светское и конфессиональное. Значит ли это, что в скором времени тюркский мир окажется на грани раскола, когда для огромной его части религиозное окажется куда более важным, нежели светское и этническое?

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Йылмаз Мустафа*. Модель модернизации Атаюрка Анкара: Тика, 2001.
2. *Верховский А.* Кто же теперь враг? Исламофобия и антисемитизм православных национал-радикалов до и после 11 сентября. Университет Сассеке, 2003, январь.
3. *Валентин К.* Ислам в Казахстане: Правда и вымыслы // Независимая газета. 23. 06. 2001.
4. *Кадырбаев А.* Центральная Азия и безопасность России. М., 2005.
5. *Иэн Макуильям*. Исламисты Центральной Азии: кто они? ВВС, Central Asia.
6. *Газимоглу Н.* Религиозная свобода – лучшее средство против религиозного экстремизма. Осло, 2004 [www.Forum18.org](http://www.Forum18.org)



7. *Тримингэм Дж. С.* Суфийские ордена в исламе. М., 1989.
8. *Halbach U.* «Wahhabiten» im Kaukasus und im Zentralasien // Aktuelle Analysen. BIOIS. 1998. N 19.
9. *Власова О., Кокиаров А.* Восход Европы // Эксперт. 2006. № 6.
10. *Каримова Р.* Культурные связи Восточного Туркестана с Индией (древность и средневековье) // Материалы 1-й Казахстанской конференции по исследованиям в индологии. Алматы, 2002.
11. Мухаммед Айюб Хан по материалам книги Мишеля Диллона «Мусульмане Китая».
12. *Каниметов Э.* Политизация ислама в Киргизии // Центр. Азия. 2005. № 6.
13. *Халмухамедов А.* «Исламский фактор»: узбекистанский вариант // Татарский мир. 2003. №12.
14. Доклад о свободе вероисповедания в странах мира в 2003 году. Туркменистан // Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда. Ашхабад, 2003.
15. *Бармин Ф.* Этническая мина // Спецназ России. 2001. №11.

### Резюме

Мақалада мемлекеттердің өзара қатынасындағы ішкі және сыртқы саясатта исламның рөлінің маңызды мәселелері қарастырылады. Исламның түркі мемлекеттері шеңберіндегі, әсіресе жақынарадағы ұлттандыру үрдістерінде, сондай-ақ пантуркизм және панисламизм бірегей дереккөз ретінде, Орталық Азия мемлекеттеріне ерекше әсер етуге қабілетті, күшті идеология сипатында қарастырылды.

### Summary

The article considers the problem of cooperation between states, where Islam plays an important role in inner and foreign policy. It also studies Islam within the framework of Turkic states, according to the last processes of his nationalization. Panturkism and panislamism here are the sources of human identity and strong ideology that can cause a considerable influence on Central Asian states.